

ТЮРКИЗМЫ В СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1 Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472, под ред. акад. Б. Д. Грекова и члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, АН СССР, Литературные памятники, М.—Л., 1948.

2 А. А. Шахматов 1864—1920, Сборник статей и материалов, под ред. акад. С. П. Обнорского, М.—Л., 1947, Труды Комиссии по истории Академии Наук СССР, под общей редакцией акад. С. И. Вавилова, вып. 3.

В первой вышеназванной книге имеются прежде всего два текста «Хождения» XVI—XVII вв., а затем имеется, среди других приложений, комментарий географический и исторический, составленный проф. И. П. Петрушевским. В этой последней статье (стр. 140—205) содержится много восточных слов и их этимологий, из которых коснусь нескольких тюркских¹.

Стр. 13: «сеют пшеницу да тутурган». В примечании на стр. 164 сказано: «сомнение вызывает термин «тутурган», быть может, искаженный переписчиками». Но слово это имеется в XI в. в сочинении Махмуда Кашгарского (по словарю К. Брокельмана, стр. 231): «тутуркан». Встречается также оно в XIII—XIV вв. в памятнике половецкого языка Кодекс Куманикус во всех его изданиях и извлечениях: в издании Гренбека (Копенгаген, 1936, см. л. 55 об.), в будапештском издании (1880) графа Кууна на стр. 130 и у нас в «Словаре» В. В. Радлова (т. III, стлб. 1484) и в его извлечениях из Кодекса Куманикус (1887) на стр. 56. В XIV в. — в сочинении «Картины рая» — Нехд-жу-ль Фарадис²: «тагурган». В монгольском языке и «тутурган» «тутурга»³. Все эти слова означают «рис», что как раз подходит для текста Афанасия Никитина.

Стр. 59: «А мамони ходят ночью и хватают кур». «Обезьяны же живут в лесу...» В примечаниях к этому (стр. 169) слово «мамон» («или обезьяны из арабского или змей из языка хинди») тут же добавляется, что в английском переводе этого места из «Хождения Афанасия Никитина» «мамоны» переведены через «дикие кошки» — перевод не имеющий никакого основания. Я же думаю, что этот последний перевод и является правильным. Дикая степная кошка Средней и Центральной Азии называется «фелис манул». В Толковом словаре русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова (1938, т. II, стлб. 142) название это объясняется (проф. В. А. Гордлевским? См. предисловие к этому словарю, т. I, 1934) от казахского «мангыл» — быстрый, что, по-моему, весьма сомнительно. За неимением чего другого и это было бы хорошо, но ведь у нас имеется «ману» (X в., Золотой блеск), «маны» (алтайск.), монгольское XIII в. «манул» (Замашари).

Стр. 71: «... Да дებрь злая тикень». В примечании к этому месту (стр. 192) сказано: «т и к е н ь не ясное выражение; по предположению проф. И. П. Минаева, это тхикен» (на языке маратхи) — поле. Мне думается, что здесь можно лучше предположить тюркское слово с весьма ясным и подходящим сюда значением «тікән» (турецкое, азербайджанское, чагатайское, киргизское, татарское, уйгурское и мн. др.) — терновник, волчег, шип, репей, колючки, кустарник с колючками и еще разные названия растений до сосны включительно⁴.

Весь вышеприведенный лексический состав и остальной в «Хождении Афанасия Никитина» указывает на татарско-чагатайский словарь, если так можно выразиться, его автора, на что указывают (стр. 205) и проф. И. П. Петрушевский, и проф. А. К. Боровков.

В заключение следует поблагодарить авторов и издателей за это издание и всех других лиц, принимавших в нем участие. К. Н. Сербина здесь дает нам два списка (с вариантами и комментарием) «Хождения» Афанасия Никитина XVI и XVII вв. (стр. 9—50, 131—139), в переводе Н. С. Чаева на современный нам язык (стр. 51—74). После трех редакторских страничек (стр. 77—79) идут два интересных очерка — о родине Афанасия Никитина (проф. Б. А. Романова, стр. 80—106) и «Афанасий Никитин — путешественник-писатель» (В. П. Адриановой-Перетц, стр. 107—130). Издательство АН СССР очень хорошо оформило эту книгу, которая, нужно прибавить, является первоклассным источником по истории индийского средневековья, что вынуждены признать и английские индологи⁵.

* * *

Во второй из вышеотмеченных книг — в сборнике «А. А. Шахматов» на стр. 391—397 помещена статья члена-корр. АН СССР проф. Д. К. Зеленина «Терминология старого русского бурлачества». Остановлюсь на объяснении некоторых слов — терминов бурлачества из этой статьи Д. К. Зеленина. Замечу прежде всего, что едва ли можно утвердительно сказать (стр. 391), что терминология бурлаков казахская (тюркская).

¹ Ср. индологическую рецензию на книгу «Хождение...» Н. М. Гольдберга А. Н. Мальцева и А. М. Осипова в «Советской книге», № 3, март 1949, стр. 64—73, и еще Эд. Мурзаева в «Изв. Всесоюз. географ. об-ва», т. 81, вып. 2, 1949, стр. 263—265.

² См. Türk. Мест., IV, стр. 247.

³ См. «Изв. АН СССР», 1927, стр. 1032 и 1268.

⁴ См. словари: Радлова, III, стлб. 1349, Будагова, I, 368, и др.

⁵ См. цитированную рецензию из «Советской книги», № 3, 1949, стр. 66.

Данные фонетики этих терминов не дают нам здесь для казахских заимствований, как увидим ниже, каких-либо предпосылок и оснований.

В лексике бурлаков только «бурундук» является единственным словом, которое внешне можно, пожалуй, считать некоторым «казахизмом». Бурундук у казахов и узбеков — это короткий поводок, надеваемый на голову верблюда (стр. 395). Рисунок такого поводка, или лучше, конечно, стерженька, в носу верблюда см. на табл. IV (фото С. И. Руденко) в книге «Казахи, антропологические очерки»⁶. Казахизмом здесь можно внешне считать окончание «дук» (вместо татарского «лук») ⁷. На самом же деле слово это «бурундук» — очень старое и, конечно, древнее того времени, когда появляются казахи как государственный организм со своим казахским языком. Мне известно слово это хронологически: так в XI в. «бурундук» — привязь, узда в широком смысле⁸.

В XI в. у Махмуда Кашгарского также: «бурундук» — в таком же значении см. т. I, 1333 мус., стр. 414; турецкий перевод сочинения Махмуда Кашгарского, 1939, стр. 501, и т. II, стр. 15.

У Замахшария (XII в.) «бурундук» — верблюжий поводок (кляп)⁹. Это слово в этой именно форме распространилось во многих языках и трудно теперь говорить, что слово «бурундук» — казахское. Как раз в современном нам казахском языке слово это звучит по-другому — «мурундук» или «мурундык» (не «бурундык!»)¹⁰.

В других тюркских языках это слово звучит еще так: «мурунтук» — (киргизское), «бурундык» (намордник для верблюда, туркменское), «бурундік» (чагат, палочка продетая через нос животного)¹¹. Это одна сторона дела. Теперь о том же, но с другой стороны.

Проф. Д. К. Зеленин пишет, что бурлацкий «бурундук» — также своего рода короткий поводок, который надевался на вершину судовой мачты. Верх высокой мачты судна сравнивался с маленькой головой высокорослого верблюда, который всегда держит свою голову вздернутой вверх. «Большое сходство между столь чуждыми одно другому явлениями бесспорно», — пишет Д. К. Зеленин (стр. 395). Но возможно, что слово это в бурлацком обиходе контаминировалось с этим тюркским (не казахским) словом, не будучи само по значению близко с таковым. Не будет ли здесь в основе лежать турецкое слово, заимствованное из итальянского «борына»: итальянское *bolina* — веревка для поворачивания паруса и «борыната» — веревка, привязанная к верхнему парусу. Ср. голландское *boelijn* — снасть для вытягивания наветренной стороны паруса к ветру. В русском языке это слово употребляется очень давно. Оно встречается, например, в сочинении К. Н. Зотова «Разговор у адмирала с капитаном» (1724 г.: булин, булины)¹².

Вторым словом в статье Д. К. Зеленина является «чапурок, чебурах, чубурок» — шар, привязанный к концу короткой веревки (стр. 394, 395). Об этом слове здесь сказано, что его (слово «чубурок») можно вывести из той же верблюжьей упряжки «чумбур, чембур», а также, что отсюда можно вывести и русское слово «чебурахнуть» с значением сильно ударить. Но я для этого не нахожу оснований ни в звучании, ни в значении этих слов. Прежде всего скажу, что такой верблюжьей упряжки я не знаю, и ни у кого найти ее мне не удалось. Еще все эти вышеприведенные слова начинаются со звука «буквы ч», чего в казахском языке не бывает. Русское слово «чембур» или «чумбур» (из тюркского) означает веревку, поводок для лошадей и жеребят, а не верблюдов¹³. А у казахов «шилбыр»¹⁴. Напомню значение слова «чубурок»: бурлацкая лямка соединялась через железное кольцо с тонкой веревкой (хвостом) с деревянным шаром — чубурком в общей петле бурлаков (стр. 394). — Теперь перейду к слову «чембер». Возможно, что в русском языке это слово восходит к персидско-турецкому слову «чембер» (ченбер), которое означает как раз те предметы, о которых говорилось выше: обруч, круг бубна, круг решета, круг из веревки (все это у мачты судна) и

⁶ Под редакцией проф. С. И. Руденко, изд. АН СССР, Л., 1927, стр. 88—92.

⁷ W. B a n g, Beiträge zur türkischen Wortforschung, Türán, Budapest, 1918, Majus, 5 Szam, стр. 289—307.

⁸ См. «Книгу счастья»: Das Kudatku Bilik, II, St. Petersburg, 1900—1910, стр. 25₉₉ и 449₁₆.

⁹ См. «Монгольский словарь Мукаддима ал-адаб», Труды Института востоковедения АН СССР, XIV, 1938, т. I—II, стр. 124, 266 и 408 и III, стр. 523, ср. здесь I—II, стр. 126, и III, стр. 463.

¹⁰ Г. Себепов, Туйе жэне онын эбзелі туралы казахша атаулар. См. «Изв. Казах. филиала АН СССР», серия языка и литературы, вып. 1, Алма-Ата, 1944, стр. 154. Ср. K. Menges, Die Wörter für Kamel und einige seiner Kreuzungsformen in Türkischen. См. «Ungarische Jahrbücher», Berlin — Leipzig, XV.

¹¹ См. словарь Радлова, IV, стлб. 1823—1824, 2193.

¹² С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, ч. 2, вып. 2, М., 1948, стр. 27 и 323. См. еще словари Келекиана, Радлова, Будагова, Магазаника и др.

¹³ См. словари: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, 1940, т. IV, стлб. 1250; словарь В. В. Радлова, т. III: «чумбур-телеутское „чилбыр“ и „чилмыр“ — киргизское».

¹⁴ Словарь киргизско-русский Катаринского, Оренбург, 1897, стр. 238; ср. словарь В. В. Радлова, т. III, стлб. 2088 и т. IV, стлб. 1057; словарь Л. Будагова, т. I, стр. 484.

сюда же ср. турецкое «чембер дирейи», что значит бизань-мачта.¹⁵ Русское же «чебурахнуть» можно выводить из татарского «чыбурки» — кнут, плеть, бич — и «чубуркыла» — стегать кнутом, бичевать¹⁶.

Все же не зная хорошенько этих бурлацких реалий, хочу еще прибавить сюда близко звучащее киргизское слово «чубура» — итти друг за другом: «чубурат» — гнать одного за другим; древнейгурское «чубрун» — следовать одному за другим. Ведь «для каждого из артели бурлаков была особая лямка (стр. 394) и они шли гусем», см. картину И. Е. Репина «Бурлаки на Волге». Д. К. Зеленин пишет: «Самый бичевик (берег реки) бурлаки также часто называли чужим, тюркским же словом «сакма», что означает дорога, путь» (стр. 395). Как мне известно, Д. К. Зеленин отказался от этой своей этимологии.

Закончу эту свою заметку тем, что в «Очерках по истории русского литературного языка» акад. С. П. Обнорского (М. — Л., 1946, стр. 185 и 188) как тюркское отмечается еще старорусское слово «носад» (корабль, лодка). Например, в летописи упоминается о присылке в дар князем болгарским великому князю Юрию тридцати насадов¹⁷. Но я такого слова в тюркских языках пока не знаю и в словарях не нашел

Сер. Малов

¹⁵ Словарь Д. Келекиана, 1941, стр. 475; словарь В. В. Радлова, т. III, стлб. 2003.

¹⁶ Словарь Будагова, т. I, стр. 468. Ср. В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, 3-е изд., т. 4, стлб. 1296 и 1303—1304.

¹⁷ А. П. Смирнов, Древняя история Чувашского народа (до монгольского завоевания), под ред. проф. А. В. Арциховского, Чебоксары, 1948, стр. 38.